

Князь Владимир: цивилизационный выбор Руси

Как справедливо говорил известный русский мыслитель Николай Александрович Бердяев, «Россия может сознать себя и свое призвание в мире лишь в свете проблемы Востока и Запада». Объясняется это, прежде всего, тем, что и географически, и исторически Россия сочетает в себе и Запад, и Восток. Колебание между восточной и западной моделями развития проходит красной нитью через всю российскую историю. Наш доклад посвящен проблеме принятия Русью христианства при князе Владимире как цивилизационном выборе между Востоком и Западом.

«Повесть временных лет» начинается сказание о крещении Владимира с рассказа о посещении его послами соседних народов – волжских болгар-мусульман, немцев, хазарских евреев и, наконец, греков. Выслушав этих послов, каждый из которых хвалил свой закон, а чужой хулил, Владимир отправляет собственные посольства для испытания разных вер и только после этого, вместе со «старцами» и «боярами» принимает решение креститься.

В исторической литературе, бытует мнение о вымышленности летописного сказания о «выборе веры». В нем видели или прямое заимствование из сказаний других народов (дунайских болгар или даже хазар), или просто сказку. Однако, летописный рассказ о посольствах Владимира находит подтверждение в иностранных, совершенно независимых от русской письменной традиции источниках. Но, главное, рассказ о выборе веры отражает ту историческую ситуацию, которая сложилась на Руси к концу X века. В течение длительного времени Русь была окружена странами и народами, придерживавшимися самых разных вероучений и молившимися разным богам. Христианство различных толков (и не только византийское православие и латинский католицизм), ислам и иудаизм действительно проникали на Русь с запада, юга и востока¹.

¹ Карпов Алексей Юрьевич. Владимир Святой. – М.: Молодая гвардия, 2004. – С. 150.

В рассказе о выборе веры в «Повести временных лет» достаточно ясно изложены причины, по которым князь Владимир не принял мусульманство и иудаизм. Диспут с хазарскими иудеями приведен в самом начале повествования, где князь показан умелым полемистом, и больше летопись к этой теме практически не возвращается. Ко времени составления «Повести» Хазария давно уже не существовала, в связи с чем исчезла и политическая подоплека разногласий с иудаизмом². Обращение Руси в ислам не произошло, да и не могло произойти. Слишком прочными и устойчивыми оказались ее связи со странами христианского мира – славянскими соседями, Византией, Германией.

Казалось бы, выбор сделан. Христианство оставалось единственной религией, приемлемой для Руси. Но и по отношению к христианству Владимир первоначально не выказал никакого предпочтения. Отчасти это объяснялось неоднородностью самого христианства, противоборством двух враждующих христианских центров – Рима и Константинополя³.

Когда Владимир решал главный для народа вопрос о том, к какому из двух направлений христианства примкнуть, Византия уже оправилась от страшных поражений, понесенных ею в VII–IX вв. Но и после этого, укрепив внутренний порядок и расширив границы, она уступала своему главному конкуренту в Европе – Римской империи. В указанный период эта империя управляла обширным геополитическим полем, охватывающим значительную территорию Европы – от Скандинавии до Италии и от Ирландии до Венгрии. В то же время независимый православный мир, если не считать пришедшего в упадок Западно-Болгарского царства и нескольких мелких княжеств Грузии, съезжился до размеров Византии. Поэтому с точки зрения экономической и геополитической выгоды, способной серьезно усилить позиции Руси на международной арене, предпочтение надо было отдать

² Ляхницкий В.Н. К сюжету «Повести временных лет» о выборе веры князем Владимиром. – Вестник Томского государственного университета. – 4 (12). – 2010. – С. 116.

³ Карпов Алексей Юрьевич. Владимир Святой. – М.: Молодая гвардия, 2004. – С. 168.

западному христианству, встав под покровительство римского папы. Между тем этого не происходит. Владимир Святой принимает сторону Византии и подчиняет свою страну духовной власти вселенского патриарха. Вместе с православием на Русь распространяются основы политической и правовой системы Византии, а значит и ее система ценностей, получившая у нас в XIX в. известность как «византизм»⁴.

Произведенное по инициативе князя Владимира «испытание вер» показало духовно-нравственную несостоятельность западного христианства, где римские первосвященники, поправ принцип соборности как один из символов веры, узурпировали всю полноту высшей светской и духовной власти в своих руках⁵.

Кроме того, престол святого Петра, стремясь увеличить число своих «духовных чад», позволил себе опускаться до уровня варварской морали, подстраиваясь под стереотипы и ценности язычников. Неслучайно институт высокой духовности, представленный христианским аскетизмом и широко распространенный в православном мире, не нашел места на Западе. В итоге движение к приоритету материальных ценностей над духовными уже тогда стало важной чертой нарождающейся романо-германской цивилизации. Как писал митрополит Иоанн (Снычев), если для восточных христиан Бог – Иисус Христос, «то у Запада бог совершенно иной, – это князь мира сего, бог наживы и беспредельного эгоизма, бог тщеславия и корысти». Благодаря чему католик «понимает спасение как воздаяние за добрые дела... Спасение “зарабатывается” им путем добродетельного труда и тем самым выкупается собственный грех». В православии же спасение всегда «осмыслялось как внутреннее перерождение человека, его преображение духовное». Возможно, поэтому принимать сторону пусть даже внешне успешного, но удалившегося от высокой духовности Запада, Владимир Святой не стал.

⁴ Асонов Н.В. Владимир Святой и Ярослав мудрый: выбор полюса цивилизационного притяжения// Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Т. 8. – № 2. – С. 120.

⁵ Там же.

Встав на путь сближения с Византией, Владимир заметно сократил контакты со странами Западной Европы и даже был вынужден вступить с ними в вооруженное противоборство. Поскольку сопротивление идеологическому и военному натиску Запада стало частью государственной доктрины Владимира Святого, естественным союзником Руси оказалась Византия. Во-первых, потому, что Русь после крещения стала частью Константинопольской патриархии; во-вторых, императорский дом Византии породнился с домом Рюриковичей, и, как предполагают некоторые исследователи, именно святые князья Борис и Глеб были детьми Владимира от византийской принцессы Анны. В-третьих, на Руси стали рассматривать борьбу с западной агрессией как священную войну ради сохранения истинного христианства, которое стремились уничтожить его враги в Риме⁶.

Ориентируясь на Византию как на эталон христианского государства, Владимир Святой начал перестраивать прежнюю социально-политическую систему Руси на основе византийского православного права. На Руси, как и в Византии, церковные законы получили ту же силу, что и государственные. «Посему преступления против первых не могли быть терпимы в государстве по законам государственным». Наряду с этим закреплялся и принцип соборности, также нашедший свое отражение в византийском праве, запретившем уподоблять монарха Богу. Это позволило сохранить вече в качестве политического института⁷.

Таким образом, Владимир Святой добровольно отказался от усиления своих властных полномочий, передав их значительную часть церкви. Этим было пресечено на Руси движение высшей светской власти в сторону неограниченной монархии, тогда как Запад уже двинулся от абсолютизации власти римских пап к абсолютизации власти высших светских правителей⁸.

⁶ Там же. С. 122.

⁷ Там же. С. 123.

⁸ Там же

Надо сказать, что выбор Владимира в пользу восточного православия явился еще и условием формирования сильного централизованного государства. Шансов на воссоздание единой мощной державы, если бы Русь была католической, оставалось бы немного. Общая вера, конечно, действовала бы на объединение, но этому противостояли бы два серьезных фактора. Во-первых, римские папы стремились контролировать светскую власть и поэтому были заинтересованы в создании многих небольших католических государств, а не в создании крупных католических империй. И русские князья в период раздробленности апеллировали бы к Риму для противодействия любому объединительному центру. Во-вторых, на севере и западе русские княжества в тот период граничили с сильными католическими государствами: Швецией, Ливонским орденом, Великим княжеством Литовским. Если бы русские были католиками, этим государствам легче бы было претендовать на русские территории. В этих условиях вряд ли Москве удалось бы создать мощное централизованное государство.

Что касается православного выбора, то он сам по себе, конечно, не гарантировал создания крупной и сильной державы, но в наибольшей степени способствовал этому. В данном направлении действовало два основных фактора. Во-первых, как мы уже сказали, принципы взаимоотношения церкви и государственной власти довольно существенно отличаются в православии и католичестве. Русская православная церковь унаследовала от Византии идеологию «симфонии» церкви и империи при реальном первенстве светской власти. К тому же русские митрополиты, а затем патриархи не имели таких ресурсов (военных сил, финансов, многочисленного разветвленного аппарата управления) как римские папы и не могли доминировать над князьями. Не имея достаточной материальной базы для противопоставления себя светской власти, православная церковь должна была опираться на государство и становиться орудием централизации. Она давила своим моральным и идеологическим авторитетом

на противников централизации и активно способствовала «собирацию» русских земель вокруг Москвы.

Русская православная церковь предложила идеологическое обоснование создания крупного централизованного русского государства: концепцию «Москва – Третий Рим». После падения второго Рима – Константинополя Москва должна стать третьим Римом. Этот взгляд на значение Москвы и московского князя высказывает, например, инок Филофей в письме к великому князю Василию Иоанновичу: «Внимай тому, благочестивый царь! Два Рима пали, третий – Москва, стоит, а четвертому не бывать. Соборная Церковь наша в твоём державном царстве одна теперь паче солнца сияет благочестием во всей поднебесной; все православные царства собрались в одном твоём царстве; на всей земле один ты – христианский царь». Формулируя концепцию «Москва – Третий Рим», представители церкви не только способствуют укреплению позиций московского князя в деле формирования единовластия, но и обосновывают, по сути, лидерство московского государства в православном мире.

Пожалуй, еще более значимым фактором, повлиявшим на превращение России в великую державу, было то, что в XV в. после католического выбора Великого княжества Литовского и гибели Византии Россия фактически оказалась единственным православным государством. Происходит отождествление православного и национального. При этом возникает естественное чувство гордости и превосходства, питающее мессианские идеи Третьего Рима. В этих условиях любая война становится войной с иноверцами, тем самым приобретая характер войны за веру православную, за святыни. Достаточно вспомнить о роли религии и церкви в борьбе русского государства с Золотой Ордой, а затем с польской интервенцией. Защита православной веры требовала сильного государства. Фактически перед православной Россией в XV – XVIII вв. стояла альтернатива: либо быть растерзанной сильными соседями-иноверцами на

составные части, либо стать великой державой. Наши предки осуществили второй вариант⁹.

Самый широкий аспект влияния христианства на развитие Руси, получила, безусловно, культура. Новая религия положила начало развитию литературы, искусства, архитектуры, распространению грамотности и письменности. С приходом христианства на Руси появляются многочисленные храмы и соборы. Все это ведет к оформлению самостоятельной русской архитектуры. В языческие времена это было невозможно, так как политеистические обряды не требовали помещений, все необходимые «процедуры» проводились около своего идола. Со строительством храмов развиваются и художественные ремесла (изготавливаются иконы, различные ритуальные вещи).

Значение выбора Владимира, таким образом, совершенно грандиозно. Принятие православия определило историческую судьбу России на тысячелетие вперед. Оно стало ключевым поворотом всей российской истории, государственности и нашей культуры. И сейчас мы живем под воздействием данного выбора. Следует отметить, что это довольно редкий в истории вариант, когда у страны, действительно, была возможность принципиального религиозного выбора. В большинстве случаев новую религию либо навязывали завоеватели (например, арабы многим азиатским народам), либо выбор у народа был между язычеством и только одной из мировых религий (в большинстве западноевропейских стран). Для Киевской Руси в силу ее географического положения и исторической ситуации вполне реальными были и католический, и мусульманский выбор. Но именно православие, выступив основой цивилизационной идентичности, надежно скрепило многочисленные племена и народы на огромной территории. Вместе с Крещением при Владимире Русь сделала свой цивилизационный выбор и на протяжении веков сохраняла верность этому выбору.

⁹ Донин А. Н., Николаев А.Н. Геополитические последствия православного выбора князя Владимира// Информационная безопасность регионов. – 2015. – № 4(21). – С. 43 – 44.

Использованная литература

1. Асонов Н.В. Владимир Святой и Ярослав мудрый: выбор полюса цивилизационного притяжения// Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Т. 8. – № 2. – С. 119 – 126.
2. Донин А. Н., Николаев А.Н. Геополитические последствия православного выбора князя Владимира// Информационная безопасность регионов. – 2015. – № 4(21). – С. 40 – 45.
3. Карпов Алексей Юрьевич. Владимир Святой. – М., 2004. – 454 с.
4. Ляхницкий В. Н. К сюжету «Повести временных лет» о выборе веры князем Владимиром. – Вестник Томского государственного университета. – 4 (12). – 2010. – С. 116 – 118.